

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-6-10-21>

ПРОИЗВОДСТВО СЛЕДСТВИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧИНОВ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Александр Егорович Епифанов

Академия управления МВД России, 125171, Россия, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

mvd_djaty@mail.ru

Аннотация

В Российской империи процессуальные полномочия являлись неотъемлемой частью компетенции полиции, воплотившейся в форме расследования преступлений под наименованием «дознание». Попытка раскрыть детали и процессуальные особенности ее участия в предварительном расследовании явилась целью настоящей статьи. При ее написании использовался метод анализа завершенных форм следственных действий, осуществлявшихся на рубеже XIX–XX вв. Методология осуществления полицией следствия на различных его этапах изучена с использованием сравнительно-правового метода. Использование формально-юридического метода позволило выявить особенности оформления полицией процессуальных актов. Основное содержание и новизну статьи обусловил анализ архивных материалов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Исследование позволило прийти к выводу о том, что в регламентации и практике производства полицией дознаний значительное внимание уделялось культуре правоприменения, обеспечению прав и свобод граждан.

Ключевые слова: предварительное расследование; Устав уголовного судопроизводства; общая и политическая полиция.

Для цитирования: Епифанов А. Е. Производство следствия в деятельности чинов российской полиции на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 6. С. 10–21. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-6-10-21>

Research Article

INVESTIGATION IN THE ACTIVITIES OF RUSSIAN POLICE OFFICERS AT THE TURN OF THE 19TH–20TH CENTURIES

Aleksandr E. Epifanov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
8 Zoia and Alexander Kosmodemianskikh St., Moscow, 125171, Russia
mvd_djaty@mail.ru

Abstract

In the Russian Empire, procedural powers were an integral part of police authority, embodied in the form of criminal investigation known as “inquiry”. This article aims to uncover the details and procedural aspects of its involvement in preliminary investigations. It was written using an analysis of completed investigative actions conducted at the turn of the 19th and 20th centuries. The methodology of police investigations at various stages was studied using a comparative legal approach. The use of a formal legal approach allowed us to identify the specifics of police procedural acts. The main content and originality of this article stem from an analysis of archival materials, many of which are being introduced into scholarly circulation for the first time. The study concluded that significant attention was paid to the culture of law enforcement and the protection of citizens’ rights and freedoms in the regulation and practice of police inquiries.

Keywords: preliminary investigation; Statute of Criminal Proceedings; general and political police.

For citation: *Epifanov A. E. Investigation in the Activities of Russian Police Officers at the Turn of the 19th–20th Centuries. Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 6, pp. 10–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-6-10-21>

Введение

В дореформенный период предварительное расследование практически полностью относилось к компетенции полиции. Для суда собранные полицией обличительные материалы являлись единственным источником информации по уголовному делу. После того как 8 июня 1860 г. царским указом следствие от полиции было отделено, в ее ведении осталось расследование только по малозначительным преступлениям и проступкам.

В ходе осуществлявшейся в изучаемый период полицейской реформы расследование по политическим преступлениям было отнесено к ведению жандармских

губернских управлений в полном объеме. С 1871 г. к Департаменту полиции, директор которого одновременно являлся «заведующим государственной полицией» и исполнял должность командира Отдельного корпуса жандармов, перешли полномочия по непосредственному «ведению и направлению» следственных дел по государственным преступлениям» [1]. В 1892 г. названные полномочия были закреплены «Учреждением министерства внутренних дел». Наблюдением за политическими дознаниями, а также гласным и негласным надзором полиции занимались образованные в 1883 г. 4-е и 5-е делопроизводства Департамента полиции. С 1902 г. за производимыми жандармскими управлениями дознаниями, главным образом по политическим преступлениям, вместо упраздненного 4-го стало наблюдать 7-е делопроизводство.

Деятельность политической полиции по производству дознаний в отношении государственных и общеуголовных преступлений регулировалась «Правилами о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений» от 19 мая 1871 г. [1]. Проводившимся офицерами Отдельного корпуса жандармов дознаниям о государственных преступлениях была посвящена ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства [3] (далее – УУС).

К компетенции политической полиции относились дознания и по общеуголовным преступлениям. Соответствующие полномочия жандармов Отдельного корпуса регулировались ст. 261 УУС [11, л. 9]. Приступать к производству дознания по общеуголовным преступлениям жандармские чины имели право в двух случаях: 1) на основании соответствующего поручения прокурорского надзора и 2) в экстренных случаях, при отсутствии чинов общей полиции, при возникновении угрозы уничтожения следов преступления или исчезновения самого преступника [4, с. 34].

Дознание с осуществлением первоначальных следственных действий по делам о государственных и общеуголовных преступлениях были вправе открывать сотрудники уездных полицейских управлений. В зависимости от степени общественной опасности, разбирательство по ним обычно производили становые приставы, исправники или специально на то назначенные временные отделения полицейского управления, причем обязательно с ведома губернатора. С введением в штаты уездных полицейских управлений таких низших исполнительных чинов, как урядники [7, с. 9], в силу своих полномочий они также включились в производство дознаний. Их деятельность в этой сфере в основном подчинялась общим правилам и регламентировалась специальным наставлением, служившим приложением к инструкции от 10 октября 1887 г. [8, с. 40–48]. Вместе с тем в ходе следственных действий урядники освобождались от составления письменных актов или протоколов. Все сопровождавшие дознание процессуальные документы от их имени составлялись специально уполномоченными на то лицами. С 1866 г. розыски и дознания по уголовным делам осуществляли подразделения сыскной полиции.

В рамках содействия судебным властям по расследованию преступлений чины общей полиции имели два основных варианта своих функций. Во всех безотлагательных случаях полиция могла полностью заменить судебную власть и исполнять ее обязанности согласно действующему законодательству вплоть до прибытия таковой. В обычных случаях, в присутствии судебного следователя, полицейские ис-

полняли все его поручения по производству следственных действий. Производство по уголовным делам осуществлялось чинами общей полиции по правилам Устава уголовного судопроизводства 1864 г., а также изданной в его развитие инструкции прокурора судебной палаты, действующей в соответствующей местности [5, с. 61]. Характерно, что в ходе дознаний чины общей и политической полиции обязаны были обращаться ко всем его участникам, включая подозреваемого, спокойно, вежливо и терпеливо [5, с. 415]. Под страхом «законной ответственности», МВД категорически воспрещалось с целью получения признательных показаний прибегать к каким-либо насильственным действиям или угрозам [9, с. 3–7]. Согласно установленному судебной реформой порядку дознания осуществлялись с ведома и в присутствии лиц прокурорского надзора.

При возбуждении дознания или исполнении отдельного следственного поручения в порядке ст. 1035 УУС чины полиции обязаны были в тот же день уведомить об этом прокурора суда с точным изложением всех данных по делу. Учитывая обстановку или данные особой важности (включая сложность дела; предстоящие обыски, выемки и т.п.; допрос лиц, занимающих особо привилегированное положение), последнему направлялось уведомление о «желательности» личного участия в разбирательстве лица прокурорского надзора, надзирающего за производством дознания. В случае его положительного ответа в любой форме, как письменно, так и устно, время совершения всех последующих следственных действий назначалось по согласованию с названным прокурорским работником. Вместе с тем неполучение подобного уведомления основанием для приостановления производства дознания не служило.

1. Общие правила производства дознаний чинами полиции

В изучаемый период законными поводами к началу производства дознания признавались случаи, перечисленные в ст. 297–300, 306–313, 208 и 289 УУС [3], а равно предписания своего непосредственного начальства, «предложения» чинов прокурорского надзора и Департамента полиции. При этом в основу его закладывалось не только исследование того или иного конкретного преступного проявления, но и выявление всего того «сообщества», под влиянием которого он имел место. Законный повод к возбуждению дознания оставался без последствий не иначе как по соглашению с судебным прокурором [10, л. 3].

О принятии дела к производству по любому поводу чинами политической полиции составлялось постановление о «приступе к производству дознания». В нем указывались соответствующие статьи Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, после чего согласно ст. 1035 УУС, не позднее суток после составления, оно направлялось в литерном порядке в Департамент полиции, с сообщением об этом местному прокурору суда и, в необходимых случаях, военному начальству. Обращает на себя внимание скрупулезность, с которой полицейские чины подходили к составлению всех актов уголовного судопроизводства. Если, заменяя следственную власть, они неправильно составляли какой-либо акт, то он в обязательном порядке подлежал переоформлению и приведению в надлежащее состояние. При невозможности повторения соответствующего следственного действия содержа-

ние акта подлежало проверке путем допроса всех чинов, присутствовавших при его составлении, включая самого проводившего следственное действие полицейского. Дознания возбуждались о каждом новом самостоятельном преступлении.

В случаях приостановления производства по не зависящим от полиции причинам составлялось особое постановление с указанием в нем тех действий или мер, которые были необходимы для окончания дела. Обыски, выемки, освидетельствования, привлечение в качестве обвиняемого предпринимались не иначе как с объяснением в особом постановлении законных поводов к производству названных следственных действий.

Применительно к ст. 292 УУС в порядке исключения допускалось телеграфное требование о производстве названных следственных действий [3], но в сопровождении подробно мотивированного особого постановления, составленного при участии лица прокурорского надзора. Вслед за телеграммой копия названного постановления в обязательном порядке подлежала незамедлительному направлению почтой [10, л. 3 об.].

Согласно требованиям ст. 398 и 399 УУС [3] все вызванные на допрос лица подлежали производству этого следственного действия в тот же день с составлением соответствующих постановления и протокола. При отсутствии особых к тому препятствий незамедлительному допросу подлежали задержанные лица, доставленные полицией вместе с дознанием или без него.

Согласно установленному порядку все протоколы допросов, опросов, выемок, освидетельствований и пр. составлялись по месту производства, подлежали прочтению присутствующими и подписанию ими. За невозможностью их осуществления в соответствующем протоколе учинялась запись с объяснением причин. При производстве освидетельствований требовалось личное присутствие понятых.

Согласно ст. 109, 320 и 321 УУС [3] в случаях неграмотности, отказа от подписи или болезненного состояния участников следственных действий в протоколах в обязательном порядке учинялась подпись удостоверявших данный факт понятых. Характерно, что при допросе последние не присутствовали, а приглашались лишь после его завершения, с тем чтобы в их присутствии допрошенному были зачитаны показания.

Неотъемлемой частью материалов дознания являлись характеризующие обвиняемого сведения, а именно справки о роде занятий, круге знакомств, возрасте, звании и степени политической благонадежности (ст. 413, 414 УУС [3]). Таковые в обязательном порядке запрашивались производящими дознание чинами полиции сразу же после допроса как по месту жительства, так и по месту приписки. Задержка в получении названных справок до окончания сроков дознания не являлась препятствием для последующей его передачи на предмет рассмотрения по существу. Справки, поступившие с опозданием, высылались в дополнение к делу.

По окончании разбирательства компрометирующая информация направлялась чинами полиции по принадлежности. Так, о привлечении в качестве обвиняемых лиц, состоящих в запасе «по роду оружия», сообщалось тому воинскому начальнику, у которого они состояли на учете; о состоящих на государственной или общественной службе – губернатору; об учащихся – начальнику соответствующего учебного заведения.

2. Регламентация и практика проведения экспертных исследований

Поставленные экспертам вопросы формулировались как в соответствующем постановлении, так и в акте экспертизы. Заключение экспертов, предоставляемые сразу же после осмотра, в обязательном порядке должны были быть обстоятельно мотивированными. При осмотре или освидетельствовании, совершаемых с участием врача, соответствующий протокол составлялся за подписями его самого, понятых и всех присутствующих. В названный протокол подлежали занесению описание всех действий врача, все замечания и мнения присутствовавших при данном следственном действии, а также объяснения врача по этому поводу. По сути, в этом протоколе отражалось все то, что касалось фактической стороны самого следственного действия. Содержание же собственно врачебной экспертизы и ее результаты заносились врачом в отдельный протокол, который прилагался к материалам дознания в оригинале. Его содержание должно было отвечать требованиям ст. 1750–1754 Врачебного устава [2]. В противном случае он возвращался составившему его врачу для исправления. Статья 345 УУС предусматривала случаи, требовавшие вмешательства в производство экспертных исследований врачебного отделения Губернского правления [3]. О причинах этого чинами полиции также составлялось специальное постановление. В случае, если врач не предоставлял в течение трех отведенных на это дней акт экспертизы, несмотря на направление ему необходимых для ее производства материалов дела и формулировку соответствующих вопросов, сообщение по этому поводу направлялось прокурору суда [10, л. 4 об.].

Статьи 325, 326 УУС регулировали случаи производства судебно-химических и микроскопических исследований [3]. Особенностью составляемых чинами полиции постановлений по этому поводу было то, что они фиксировали сам предмет исследования, место производства экспертизы, способы упаковки, опечатывания и транспортировки исследуемого материала, а также меры, направленные против попадания примесей, порчи, утери, усушки и пр. При необходимости особых навыков для «укупорки» исследуемого материала названные статьи требовали привлечения специалиста. На случай утери, порчи или «переисследования» часть подлежащего исследованию материала оставлялась в резерве.

3. Характерные черты производства чинами полиции допросов и обысков

Чины полиции обязаны были допрашивать каждое проходящее по делу лицо в отдельности, даже в том случае, если показания были аналогичными. Необходимо отметить, что чины полиции подходили к допросам проходящих по уголовному делу лиц избирательно. Учитывая требования ст. 704 и 709 УУС, они обязаны были предварительно оценить значение тех или иных показаний для дела. Если представлялась возможность воздержаться от вызова на допрос, по этому поводу также составлялось мотивированное постановление. Не подлежал расширительному толкованию п. 2 ст. 442 УУС, предусматривавший случаи допроса свидетелей под присягой. На предмет обеспечения полноты дела и прав участников уголовного разбирательства перед производством допроса чины полиции обязаны были тщательно изучить соответствующие правила, предусмотренные ст. 408, 409, 445, 447, 453, 705, 712, 717 и 722 УУС [10, л. 4 об.].

Приобщая к материалам дела найденные при обыске или осмотре предметы, полицейские чины составляли постановление с изложением оснований этого действия. При этом излагалась мотивация признания их вещественными доказательствами и приобщения к делу. Согласно действующему законодательству, к вещественным доказательствам причислялись предметы, на которые были направлены преступные действия, послужившие орудием преступления, сохранившие на себе следы последнего, а также все то, что могло послужить к обнаружению преступника, его уличению либо оправданию [10, л. 4]. Независимо от постановления о приобщении вещественных доказательств составлялся тщательный и подробный протокол их осмотра. Составлялся он одновременно с производством соответствующих следственных действий, но никак не после них. Если они каким-либо образом стесняли чьи-то личные или имущественные права, заинтересованным лицам в обязательном порядке разъяснялся порядок их обжалования.

Порядок производства чинами полиции обыска регулировался ст. 258 и 1035 УУС [3]. На практике при этом они руководствовались также рядом правил. Так, по приходу к месту обыска чины общей и политической полиции обязаны были занять все входы с тем, чтобы блокировать двор и улицу, на которые выходили окна соответствующего помещения. Это было необходимо для предотвращения побега злоумышленников или выбрасывания подлежащих изъятию предметов. После этого выдвигалось требование открыть двери подлежащего обыску помещения. В случае отказа двери открывались силой. Незамедлительно после этого полицейскими и жандармами занимались все подлежащие обыску помещения, изолировались и подвергались личному обыску все застигнутые там лица.

Особыми условностями сопровождался обыск женщин, находящихся в постели. Им предлагалось положить руки поверх одеяла, после чего с понятыми осуществлялся осмотр их ненадетой одежды. Женщинам разъяснялись их права, предусмотренные ст. 351 УУС [3], и предоставлялась возможность как можно быстрее одеться в отсутствие жандармов и полицейских, но при специально приглашенных женщинах-понятых. Лишь после этого допускался осмотр и обыск соответствующих комнат.

Запертые хранилища, открыть которые не представлялось возможным в добровольном порядке, вскрывались при помощи слесаря или путем взлома. Вместе с тем чины полиции обязаны были приложить все усилия к тому, чтобы нанести тем самым минимальный ущерб. Имущество подлежащих задержанию лиц сдавалось на ответственное хранение их родственникам, хозяевам квартир либо в полицию.

Особые правила предусматривались на случай, если подлежащему безусловному аресту лицу не представлялось возможным по состоянию здоровья покинуть жилище. Для удостоверения этого факта предписывалось приглашать полицейского или иного врача либо медицинского фельдшера. Если болезненное состояние действительно лишало обвиняемого возможности покинуть квартиру, возле него выставлялась охрана и он оставался на месте. Если у подлежащей аресту женщины имелся ребенок, который не мог обойтись без посторонней помощи, то она препровождалась в место заключения вместе с ним.

После подробного и тщательного осмотра помещения принимавшие в нем участие полицейские чины приступали к составлению протокола обыска. В его заголовке полагалось ссылаться лишь на сам факт состоявшегося постановления об обыске или предписание о нем. Раскрывать поводы обыска или его цели при этом запрещалось. Во вступительной части протокол содержал описание топографии обыскиваемого помещения, положения и действий застигнутых в нем лиц, а также предметов, обнаруженных при личном обыске. После этого подробно описывался сам процесс обыска с детальным указанием на то, что именно и где было обнаружено.

В следственной практике российской полиции все вещественные доказательства принято было подразделять на три категории. К первой относились те из них, которые можно было унести с собой. Ко второй – те, которые унести с собой не представлялось возможным в силу их громоздкости либо «унос» которых был чреват нарушением целостного впечатления о застигнутой по месту обыска преступной работе (типографские станки с наборным шрифтом; специальные мастерские, служащие для выработки предназначенных «для политических целей» предметов, и т.п.). В принципе, вторая категория вещдоков включала все предметы, повторный осмотр которых мог потребовать участия экспертов. Третья категория вещественных доказательств включала предметы, которые не могли быть унесены даже по частям и следы преступной деятельности на которых с течением времени сглаживались (следы крови, пятна, отпечатки на предметах, земле, песке, снегу и т.п.).

Вещдоки первой категории после надлежащей «укупорки», опечатывания и пометки о месте и обстоятельствах обнаружения приобщались к протоколу и хранились наравне с прочими материалами дознания. Документы и ценности вкладывались в особые пакеты, которые приобщались к делу в сопровождении описи с упоминанием об этом в протоколе. Вещественные доказательства второй и третьей категорий подлежали подробному описанию в протоколе и оставлялись под надежной охраной (которая также фиксировалась в протоколе) по месту обыска. При этом принимались все возможные меры к тому, чтобы они никем из посторонних не были «тронуты», а также не исчезли на них следы преступления.

4. Привлечение в качестве обвиняемого и применение меры пресечения

Особое постановление составлялось полицией о привлечении в качестве обвиняемого. Оно содержало подробные указания на улики и доказательства обвинения, а также точное определение вида преступления. Названное постановление подлежало объявлению обвиняемому в «общеупотребительных выражениях», причем прежде любого допроса по существу обвинения. Все ссылки обвиняемого на «уменьшающие вину» обстоятельства подлежали проверке полицейскими чинами в ходе дознания. Отказ от этой проверки был возможен лишь по особому, «подробно мотивированному» постановлению. Необходимо отметить, что к протоколу допроса обвиняемого присовокуплялась «выборка сведений» из его личных документов за «подлежащей подписью» [10, л. 6]. Кроме того, составлялось и объявлялось обвиняемому постановление об избрании меры пресечения. Правила судопроизводства изучаемого периода допускали случаи, когда в отношении одного и того же лица возбуждались несколько уголовных дел, по каждому из которых

избирались различные меры пресечения. Если это происходило, то по каждому из таких дел составлялось особое постановление о мере пресечения, но реально применялось наиболее строгое из них.

Постановление о применении меры пресечения в обязательном порядке сопровождалось «точной» справкой о том, был ли обвиняемый арестован в порядке охраны накануне возбуждения формального дознания или нет; если был, то сколько времени содержался под стражей и где именно. В течение 24 часов со времени заключения каждое постановление о взятии под стражу в копии подлежало направлению соответствующему начальнику пенитенциарного учреждения и прокурору суда. При избрании меры пресечения в виде «особого надзора полиции» полицейские чины обязаны были одновременно сообщать об этом «подлежащей полицейской власти» и местному представителю жандармского надзора.

Постановление о принятии залога (ст. 426 УУС) в обязательном порядке визировалось залогодателем, содержало сведения о сумме залога и точное указание на то, из каких именно денежных знаков состоит залог [3]. Что касается процентных бумаг, то указывалась их номинальная, а не рыночная стоимость, а также число находящихся при них купонов. Ценности незамедлительно записывались в особую денежную книгу и сдавались в местное казначейство на депозит Губернского правления, если это происходило в губернском городе. В уездах поступавшие в порядке залога ценности поступали на депозит Уездного полицейского управления. В обоих случаях соответствующая финансовая отчетность подшивалась к уголовному делу в специальном запечатанном конверте сразу за протоколом о принятии залога. Документация по приему, пересылке и возврату ценностей в порядке залога являлась неотъемлемой частью материалов дознания.

В качестве залогодателя могло выступать любое лицо, представившее назначенную для залога сумму. Поручителем могло быть состоятельное лицо, представившее нотариально заверенное удостоверение о своей кредитоспособности. Статья 428 УУС допускала как увеличение суммы залога или поручительства, так и ее уменьшение, причем незамедлительно [3]. В обоих случаях полицейскими выносилось особое постановление. При передаче как законченного производством, так и приостановленного дознания прокурору суда изменять меру пресечения уже не допускалось [10, л. 5].

Как того требовали ст. 415 и 429 УУС [3], осуществлявшие дознание полицейские въезд в столицы и иные города привлеченным в качестве обвиняемых лицам могли разрешать лишь с санкции «наблюдающего» за следствием лица прокурорского надзора. В случае его положительного решения о выезде обвиняемого в известность ставились соответствующие начальник жандармского управления и чины полиции по территориальности. При этом возбуждающим ходатайство о выезде не рекомендовалось избирать местом своего жительства уезды, служившие местом дислокации императорской резиденции. При самовольном оставлении обвиняемым избранного места жительства мера пресечения заменялась на более строгую. О подобной перспективе соответствующим лицам объявлялось при первоначальном избрании меры пресечения.

Согласно циркуляру Департамента полиции № 7519 от 1906 г. на выезд обвиняемого за границу, помимо названных формальностей, требовалась санкция тако-

вого, причем для решения вопроса необходимо было указать, подлежит ли дело судебному разбирательству или прекращению. При выезде в Финляндию во внимание принимались соображения по поводу того, что там особый надзор полиции в полной мере осуществлять возможным не представлялось (циркуляр Департамента полиции № 4890 от 1906 г.) [10, л. 6].

Согласно ст. 1035/22 УУС чины полиции обязаны были объявить об окончании дознания каждому обвиняемому: как содержащемуся под стражей, так и «наличному», т.е. проживающему в районе его производства [3]. При этом ему разъяснялось право на ознакомление с материалами дознания. Каждое заявление обвиняемого о желании ознакомиться с материалами дела подлежало безусловному удовлетворению. О предъявлении дознания для ознакомления каждому из проходящих по делу обвиняемых составлялся отдельный протокол. Он содержал запись, удостоверяющую, что обвиняемому были предъявлены для ознакомления лишь те следственные акты, которые касались только его лично. Материалы оперативного характера и агентурные данные не предъявлялись ни в коем случае [10, л. 8]. Выдавать обвиняемым какие-либо копии материалов дознания категорически запрещалось.

После предъявления обвиняемым всех законченных производством дознаний, согласно циркуляру Департамента полиции № 117140 от 1908 г., они представлялись соответствующему начальнику жандармского управления для дальнейшего направления по подсудности. Как того требовали ст. 277 и 1035/25-26 УУС, при обнаружении виновных или недостаточности улик составлялось мотивированное заключительное постановление. В случае, если обвиняемый скрылся и не был разыскан, на него составлялась розыскная ведомость, поступавшая в Департамент полиции и, в копии, – начальнику соответствующего жандармского управления. После этого выносилось постановление о приостановлении дознания, но лишь в отношении скрывшегося обвиняемого. В отношении прочих оно продолжалось в установленном порядке. По окончании дознания арестованные лица одновременно с направлением дознания перечислялись содержанием за тем лицом, которому оно поступило для последующего производства. Об этом незамедлительно ставился в известность начальник места заключения, в котором под стражей находился обвиняемый [10, л. 8].

Заключение

Сосредоточение в руках Департамента полиции полномочий по борьбе с противоправительственной деятельностью и направленных против нее ответных мерах, включая дознания по государственным преступлениям, позволило в значительной степени оптимизировать борьбу с революционными проявлениями и преодолеть разобщенность компетентных органов МВД.

Формально дознания производились как общей, так и политической полицией. Присутствие чинов прокурорского надзора было обязательным, однако лишь в местах их постоянного пребывания. Их командирование к месту дознаний допускалось лишь в исключительных случаях. Однако в любом случае соответствующие производства направлялись прокурорским работникам для ознакомления.

По государственным преступлениям к компетенции жандармов относилось производство осмотров, освидетельствований, допросов, обысков и выемок. Также они имели право предъявлять обвинения. При отсутствии жандармских чинов в случаях, не терпящих отлагательства, чины общей полиции также были вправе открывать по таким делам дознание с осуществлением первоначальных следственных действий.

С принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 г., согласно его ст. 254, из ведения общей полиции следственные полномочия были изъяты. Согласно названному Уставу полицейские были обязаны принять все необходимые меры к тому, чтобы воспрепятствовать подозреваемому скрыться, а также сохранить следы преступления. Соответствующие полномочия полиции определялись МВД как дознание или розыск. Их общей целью являлись сбор и предоставление в распоряжение судебных властей материалов, необходимых для предварительного расследования и рассмотрения в суде уголовных дел. В случаях, когда имелись очевидные признаки преступления, производство дознания общей полицией было обязательным.

Накопленный исторический опыт определяет необходимость дальнейшего развития и формирования прочной правовой базы в деятельности правоохранительных органов. Насущные требования современности формируют необходимость глубокого изучения и последующего учета наследия, заложенного развитием отечественного государства и права.

Пристатейный библиографический список

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 46. № 4915.
2. Свод законов Российской империи. Т. 13. СПб., 1842, 1857.
3. *Епифанов А. Е.* Организационные и правовые основы деятельности российской политической полиции по дознанию на рубеже XIX–XX вв. // Политическая история России: прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. XVIII. СПб. : ФГУК ГМПРИ, 2021.
4. *Епифанов А. Е.* Из истории организации и деятельности общей полиции Российской империи на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Нижнего Поволжья) // Вестник экономической безопасности. 2023. № 2.
5. *Епифанов А. Е.* К вопросу о культуре правоприменения в деятельности российской политической полиции по дознанию на рубеже XIX–XX вв. // Право – явление цивилизации и культуры. Вып. III = Law – Phenomenon of Civilization and Culture. Vol. III / отв. ред. М. В. Немытина. М. : РУДН, 2021.
6. История полиции дореволюционной России : сборник документов и материалов по истории государства и права : учебное пособие. М. : МВШМ МВД СССР, 1981.
7. Справочная книга для полицейских урядников. СПб. : Тип. И. С. Леви и К°, 1887.
8. Справочная книжка для полицейских урядников. Составлена по распоряжению Министра внутренних дел. СПб. : Тип. МВД, 1879.

9. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 465.
10. ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 466.

References

1. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*, coll. 2, vol. 46, no. 4915. (In Russ.)
2. *Code of Laws of the Russian Empire*. Vol. 13. St. Petersburg, 1842, 1857. (In Russ.)
3. *Epifanov A. E.* Organizational and Legal Foundations of the Activities of the Russian Political Police in Investigation at the Turn of the 19th and 20th Centuries. In *Political History of Russia: Past and Present. Historical Readings. Issue XVIII*. St. Petersburg: FGUK GMPiR, 2021. (In Russ.)
4. *Epifanov A. E.* From the History of the Organization and Activities of the General Police of the Russian Empire at the Turn of the 19th and 20th Centuries (Based on Materials from the Lower Volga Region). *Bulletin of Economic Security*, 2023, no. 2. (In Russ.)
5. *Epifanov A. E.* On the Culture of Law Enforcement in the Activities of the Russian Political Police in Investigation at the Turn of the 19th and 20th Centuries. In *Nemytina M. V. (ed.). Law – Phenomenon of Civilization and Culture. Issue III*. Moscow: RUDN University, 2021. (In Russ.)
6. *History of the Police of Prerevolutionary Russia: Collection of Documents and Materials on the History of the State and Law: Textbook*. Moscow: MVShM MVD USSR, 1981. (In Russ.)
7. *Reference Book for Police Officers*. St. Petersburg: I. S. Levi and Co's Printing House, 1887. (In Russ.)
8. *Reference Book for Police Officers. Compiled by Order of the Minister of Internal Affairs*. St. Petersburg: MVD's Printing House, 1879. (In Russ.)
9. *State Archives of the Volgograd Region*, f. 6, op. 1, d. 465. (In Russ.)
10. *State Archives of the Volgograd Region*, f. 6, op. 1, d. 466. (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. Е. Епифанов – доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

A. E. Epifanov – Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 03.12.2024; одобрена после рецензирования 13.01.2025; принята к публикации 03.12.2025.

The article was submitted to the editorial office 03.12.2024; approved after reviewing 13.01.2025; accepted for publication 03.12.2025.